

Менталитет и самосознание личности как проблема современного общества

Проблема ментальности и самосознания личности весьма актуализировалась в последнее десятилетие в области мировой и отечественной «социальной антропологии». В сфере, где межличностное, субъект-субъектное общение стало предметом профессиональной деятельности, а сюда мы причисляем образовательную деятельность, деятельность социальных педагогов и социальных работников, это вызвано рядом обстоятельств и инновационных процессов современного общества.

Прежде всего, это пролонгированный процесс модернизации российского общества, постоянно подводящий к вопросу: «Совместима ли прежняя российская ментальность с направлением сегодняшних социальных реформ?». Поскольку, глобальное социальное реформирование затрагивает самые широкие массы, то изучение менталитета связано с процессами и закономерностями массового сознания – необходимо знать ментально-психологические изменения в области потребностей, интересов, ценностей, настроений, установок, традиций и т. п.

Социальные изменения, как правило, влекут возрастание социальных и духовных конфликтов, а, следовательно, предъявляют к личности императив многообразия форм связей между людьми. Кроме того, знание менталитета помогает в успешном решении задач, связанных с управлением этническими общностями. Особую остроту эта проблема приобрела в связи с широкими миграционными процессами. А миграция – это весь шлейф социокультурных осложнений феномена маргинальности – размывание доминирующей национальной культуры; затратные механизмы по ассимиляции привносимой культуры; проблемы освоения и сохранения чистоты языка, традиций и других культурных ценностей.

Без понимания функциональных особенностей менталитета невозможно также разрешение противоречивых отношений между этногруппой и личностью. Таким образом, менталитет – это системообразующий фактор деятельности и развития социальной активности народов.

Мы будем исходить из следующего определения менталитета: «Ментальность, менталитет (от лат. – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) – общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого либо сообщества. Ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания» [2, с. 13].

Связь менталитета и самосознания отдельной личности обнаруживает ряд ипостасей. Менталитет как социокультурное явление есть духовное *со-бытие* личности с другими представителями социума и, в конеч-

ном счете, рода. Причем, ментальность, характеризуя глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включает в себя ценности, установки, осознаваемые, исторически сложившиеся и запечатленные в культуре образы мира. А также затрагивает и бессознательные слои (коллективно-бессознательное К.Юнга – «архетипы»). И здесь ментальность выражает жизненные и практические установки людей, эмоциональные предпочтения, прежний социальный опыт: здоровый смысл, наработки, заложенные поворотами этно- и- филогенеза.

Эти образы мира, проявления архетипов сознания можно обнаружить в различных видах жизнедеятельности личности, общности и социума. Интересна зависимость основных видов жизнедеятельности и типов детерминированности менталитета естественно-историческими процессами:

- географическо-демократические и экологические воздействия и отношения (биогенетический вид общечеловеческой активности) – это биогенетическая ментальность;
- культурно-исторические и социогенетические воздействия и отношения (психический вид общечеловеческой активности) – это психическая ментальность;
- общественно-исторические и филогенетические воздействия и отношения (сознательный вид общечеловеческой активности) – это сознательная ментальность;
- социально-экологические и психолого-педагогические воздействия и отношения (поведенческий вид общечеловеческой деятельности) – это поведенческая ментальность;
- субъективно-исторические и социально-экономические воздействия и отношения – деятельностный вид общечеловеческой активности – это деятельная ментальность;
- общественно-культурные и нравственно-этические воздействия и отношения («общенческий» вид общечеловеческой активности) – это «общенческая» ментальность;
- социально-интеграционные и национально-экономические воздействия и отношения (совместно-деятельный вид общечеловеческой активности) – это совместно-деятельная ментальность;
- социально-политические и историко-космические воздействия и отношения (социальный вид общечеловеческой деятельности) – это социальная ментальность [2].

Процесс самосознания личности, потребности уяснения собственных смыслов и воздействия на него ментальных структур протекает весьма неоднозначно, подчас, обостренно – в переломные моменты, в периоды кризиса самоидентификации личности, кризиса нации или общества в целом, так как связь самосознания личности и менталитета имеет противоречивый характер.

В функциональном отношении менталитет, по мнению М.Фуко, – это априорные дискурсивные формации или историческое априори, предопределяющее опыт и поведение личности и социальных групп и, следовательно, социальная функция менталитета – быть регулятором их поведения в мире. Однако, с точки зрения А.П.Огурцова, «обращение к ментальности альтернативно анализу самосознания личности» [3, с. 50], поскольку, доминирование ментального уровня, т. е. социокультурного автоматизма сознания и его дорефлексивного слоя, перекрывает процесс самоидентификации и саморефлексии личности.

С другой стороны, регулятивная функция менталитета имеет свои особенности, а именно: ментальные структуры обладают инерционностью, повышенной устойчивостью к форсированным, революционно-реформаторским нововведениям, тем самым противодействуют всевозможным насильственно-деструктивным воздействиям (например, стихийное, тайное, но повсеместное празднование Пасхи на бытовом уровне в атеистические времена). Менталитет допускает лишь эволюционный, мягко-постепенный путь изменений. Поэтому, основными современными общецивилизационными способами осуществления социального обновления должны выступать толерантность, жизнесохранение и жизнесозидание [1].

Переживая реалии сегодняшнего этапа модернизации, особенно значима именно эта консервативно-охранительная функция менталитета. В ней можно выделить две ипостаси. С одной стороны, ментальность, вбирающая духовные ценности культуры и особенно ее традиционные пласты, способна тормозить некоторые инновации, противоречащие сущностным основам данного народа, его архетипам. С другой, она выступает как особая структура, которая может духовно санкционировать, одобрять, делать легитимной какое-либо проявление модернизации или, напротив, налагать запрет.

Разница между культурно-ментальной легитимацией и правовой или политической заключается в том, что первая носит скрытый, неоформленный характер. При этом, влияние ее ничуть не слабее, а скорее наоборот. История общества многократно подтверждала это ситуациями, когда субъективная воля к социальным преобразованиям могла иссякнуть, наталкиваясь на внутренние, неявные ментальные преграды.

Думается, современный консерватизм зрелого поколения есть стремление защитить последующее поколение от опасности дестабилизации общества, вызванной тяготением к необдуманной тотальной «вестернизации» всех сторон нашей жизни, включая и духовные основы. Данная охранительная тенденция русской ментальности выкристаллизовалась в известной народной мудрости: «Что русскому – хорошо, то немцу – смерть!». Справедливо и обратное.

Безусловно, включение в глобальные цивилизационные процессы есть объективный исторический путь развития, социальная необходи-

мость. Но драматизм российской судьбы состоит в том, что мы слишком склонны к революционным ломкам – «до основания, а затем?», к отказу от себя, к самоуничтожению своих ценностей. Такое безоглядное духовное самоотступничество чревато тяжелыми духовными и практическими последствиями.

Библиографический список

1. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века. М., 2002.
2. *Душков Б.А.* Психосоциология менталитета и номенталитета. Екатеринбург, 2002.
3. *Огурцов А.П.* Трудности анализа менталитета // *Вопр. философии.* 1994. № 4.

Л.Е.Петрова

К проблеме социальной ответственности российского бизнеса

Аналитический центр ИТАР–ТАСС–Урал 23–24 октября 2003 г. провел телефонный опрос руководителей предприятий Екатеринбурга. Всего было опрошено 143 чел., выборка формировалась по базе данных Облстатуправления. Среди опрошенных представители малого (29%), среднего (57%) и крупного (14%) бизнеса. Большинство опрошенных руководят промышленными предприятиями (48%), сферой услуг населению (37%) и предприятиями транспорта (8%). Опрашивались только руководители предприятия – директор, финансовый директор/главный бухгалтер, зам. директора и пр.

Как показывают результаты опроса, бизнесмены считают, что коммерческие структуры действуют эффективнее, чем властные. При этом условия для развития бизнеса в России нельзя назвать благоприятными. Условия развития бизнеса в современной России респонденты оценили как средние. Так, 14% считают эти условия благоприятными, 36 – скорее благоприятными, 34 – скорее неблагоприятными, а 15% – неблагоприятными.

Только каждый десятый руководитель предприятия считает, что российский бизнес не влияет на политическую ситуацию в стране, положительный ответ – «бизнес влияет» – дали 86% опрошенных. Мы попросили руководителей предприятий оценить эффективность деятельности властных и коммерческих структур в современной России. Оценка – по десятибалльной шкале, где 1 – минимальная, а 10 – максимальная эффективность.

Эффективность деятельности бизнеса (коммерческих структур) оценивается респондентами более высоко: среднее значение 6,1 по срав-